

Переведено ещё раз

О стихах Андрея Черкасова

Быть поэтом-экспериментатором на рубеже 2010–2020-х годов — задача непростая. Горизонт ожидания внимательного читателя актуальной поэзии сегодня практически невосприимчив к самой прагматике эксперимента, спокойно уместя в зону предсказуемого любую структуру субъекта, модальность высказывания и литературную технологию, не говоря уже о ставших привычными интермедийных аттракционах, — именно поэтому опыты Андрея Черкасова, каждый раз оказывающиеся на шаг впереди горизонта, представляются одними из самых удивительных новейших поэтических практик.

«Просто стихов», по собственному признанию, Андрей Черкасов не пишет давно. Речь здесь идёт не только о формальном эксперименте, включающем в себя рекомбинацию и реконтекстуализацию чужой речи (в том числе и своей собственной — теряющей потенциал солидаризации с собой под неумолимым натиском эстетической и персональной дистанции), но и о постоянной динамике неузнавания: известна формулировка Л. Лунца, приводимая М. Гаспаровым в «Записях и выписках» — «Бывают хорошие стихи, плохие стихи, и стихи как стихи; последние ужасней всего». «Стихи как стихи» — отлитые в готовых формах рецептивных конвенций, выражаясь саркастическим языком современности, «продукт стихосодержащий» — не интересуется Черкасова, пусть даже готовыми формами и выступили бы его собственные поэтические схемы — прерывистые минималистские верлибры, безоценочно и безаффективно светящиеся над контурами каждодневного быта. Вместо «стихов» в «Дополнительных полях» демонстрируются алхимические техники переизобретения самого метода письма: каждый

из представленных циклов, поэм и др. продемонстрирован нам — я намеренно не хочу употреблять здесь слова «создан» — продуктом особой комбинаторной прагматики, каждый раз — своей собственной.

Сведём для читателя все «ключи» к методу производства «Дополнительных полей» воедино. Цикл «от одного до десяти», созданный в качестве либретто для оркестрового произведения поэта и композитора Кирилла Широкова, подчинён строгой силлабической логике, вызывающей очевидные ассоциации с исторической поэзией Дальнего Востока (вспоминаются здесь и техногенные квази-хайку, созданные Черкасовым под псевдонимом Павел Басков) — каждая строка, согласно изначальному техническому заданию, должна была содержать от одного до девяти слогов (впоследствии число расширилось до десяти), причём начинаться тексты должны были с двусложного слова; порядок чисел был подобран генератором случайных чисел, а лексика подобрана в результате выдачи предиктивного набора клавиатуры смартфона при записи соответствующих чисел на избранном языке (английский, немецкий, испанский и др.) без переключения раскладки. Трансгрессивный телесно-предметный минимализм цикла «из стихов Лики Тилом» — образец почтенного жанра *found poetry*, выдержки из автоматически сгенерированных текстов спам-бота, сопровождавших порно-ролики на странице под именем «Lika Tilom»; аналогичным образом устроены и циклы «клуб 126168249» и «клуб 120355932», в которых представлены фрагменты схожего рода текстов, публикуемых в группах ВКонтакте под соответствующими адресами. «Связь» — один из изящнейших образцов фирменного черкасовского жанра блэкаута: материалом к нему послужили инвентарные карточки из коллекции Чувашского государственного музея с описанием работ художников, близких к кругу Г. Айги. «оттепель (сцепка)» — итог работы частотного

анализатора, обрабатывавшего масштабный корпус отепельной поэзии, как официальной, так и неподцензурной: по итогам обработки в «сцепку» попадали слова в документе, прямо соседствующие с результатом анализа. То же и во «вспышке щебня» — но с дополнительной интенцией картографировать полученные результаты, распределив их по аналогии с температурами — от «холодных», наименее частотных, к «горячим». Анализатор регламентирует и порядок возникновения туманных полупредсказаний «пост-романа» или «фрагментарной поэмы» «Йенгив Йовинье» — полный текст «Евгения Онегина» оказывается разложен на случайно расположенные частотные группы, затем дважды машинно переведён на французский и обратно, а затем затёрт «до дыр» при помощи erasure-техники — масса произведённого шума устраняется, оставляя лишь микронарративные остовы, напоминающие о затопленных храмах, частично приподнимающихся из воды во время отлива. Наконец, венчает книгу «восьмиугольный разряд» — компоновка машинных высказываний, произведённых Google Translate при переводе на монгольский; распространившийся в сети баг, в результате которого при вводе повторяющихся символов или случайной «буквенной каши» переводческий алгоритм начинал выдавать загадочные, но синтаксически полноценные фразы, ненадолго стал мемом в соцсетях.

Работа Черкасова, таким образом, напоминает линзу — вбирая в себя хаос нечеловеческой речи, лишённой собственной прагматики и поэтики, она выпускает наружу центростремлённые лучи, высвечивающие в читателе опыт, репрессированный его собственными когнитивными структурами как слишком очевидный, или, напротив, слишком инородный. Машины «Дополнительных полей» зывают к вытесненным, не собранным в функциональные схемы осколкам сознания, к мыслительным провалам, зажигающимся внутри сознания в *пограничные*

минуты — во сне, в серой зоне эмоций, в моменты рефлексивного провала и отказа инструмента критики:

*страшно
глупо
правда?*

я лечу

*черный стриж
пёстрый дятел*

*неоспоримый
сон*

*#поезд
#болезнь
#ошибка*

Скриптор-медиум, в полном соответствии с техногенным и медиальным поворотом культуры XXI века, черпает трансгрессию не из метафизических областей, но из неподконтрольной человеку автономной машинной логики (или, верней, анти-логики — принципиально устраняющей семантизирующиеся следствия). Невозможность проникнуть внутрь механизма, регламентирующего машинное производство смысла соотносится со страхом человека перед созданием собственной более функциональной копии, сверхпродуктивного Другого, способного заместить его, подорвав сами основы понимания высказывания (здесь имеет смысл сослаться на описание этого страха Ж. Симондоном — соответствующие соображения содержатся в работе «О способе существования технических объектов»), а, следственно, и все выросшие на почве идеи *разгадки смысла* социальные конструкты — авторство, интерпретацию, наконец, литературный канон; в этом свете, к примеру, деструкция «Евгения Онегина»,

перевод его на язык дорвеев, язык случайных бликов значения, предстаёт подрывным антилитературным актом. Но представить метод Черкасова исключительно деконструктивистской «антипоэзией» было бы непростительным упрощением. Черкасов — укротитель алгоритмов — берёт на себя и роль психопомпа, проводящего человека мимо оскаленной машины, идеального оборотня (вспомним «Исследование ужаса» Липавского — как похож страх непостижимо инородной техногенной речи на основу всего страха, боязнь оборотничества) прямо к новой возможности обнаружения удовольствия — обнаружению антропогенных следов в заведомо чуждой человеку среде. Одним из лучших примеров этого пока ещё не до конца ясного механизма становится «восьмиугольный разряд», совершенно иначе перечитывающийся после февраля 2022 года:

*стеснительность песни
ночь ночь ночь ночь
вода растворимая в воде
всё в порядке, всё в порядке,
всё в порядке, всё в порядке,
всё в порядке, всё в порядке
те, которые эти,
те, которые эти,
те, которые они
аплодисменты
на русском языке*

<...>

*протесты протестующих
смотреть всё больше и больше,
больше, больше, чем когда-либо
в детстве,
когда ты думаешь о том,
что ты думаешь о том,*

*что ты думаешь
как ты думаешь, кто ты такой?*

<...>

что ты думаешь о войне?

все они сгорают, как и прежде, и всё

но я думаю, что это не так

вот и всё

*к югу от города
в глубине души*

*что вы слышите?
всё в порядке?*

горло и горло

конец дня — это конец света

*мечты, мечты, мечты,
мечты, пылающие мечты <...>*

Разумеется, как и любая комбинаторная или found-техника, операции Черкасова вызывают ряд вопросов относительно степени вмешательства оператора машины в её деятельность: насколько предиктивный набор смартфона, с использованием которого создана часть входящих в эту книгу текстов, привык к полностью антропогенным стихам Черкасова, зачастую обнаруживающим удивительное сходство с обработанной им машинной речью (иными словами, что является причиной, а что следствием?), какой процент выданных анализатором корпусов стал частью экспериментов вроде «вспышки щебня» и «оттепли...» и т. п. Но сейчас, пока мы движемся по мерцающим

цифровым тропам, чтобы взглядеться в хищное лицо случайности и разглядеть в нём собственные черты в той мере, в которой это позволяет нам наш проводник Андрей Черкасов, смело укрывающий нас от технофобной паники собственным именем и собственной авторской функцией, мы не историки литературы — мы случайные путники, не перестающие удивляться. И пока мир во всей его онтологической полноте неясен нам до конца, пока существует само удивление — возможна и экспериментальная поэзия, с каждым новым жестом, с каждой новой технической возможностью переживающая новые и новые метаморфозы. Опыт, мысль, след, аффект, знание, отсутствие всего этого переводятся на новый язык. А затем переводятся ещё раз. И ещё. И ещё.

Максим Дрёмов

ОТ ОДНОГО ДО ДЕСЯТИ
(2014)

1. (англ.)

цели

штурм

башмаки возмущения

единицы центра

волчок влечёт

яму

включая вулкан

усугубляет

мышцы вышли

целиком

2. (нем.)

чушь

карта врат

чаша акул

сорта Антарктиды

твои туши

тут

ящерицы языка

тугой туннель

среди смертей

туда

3. (фр.)

Ваня

Гылыбово

штурм отца

влечение вотчин

выезд

отличие гибели

Йоффе

тушканчик утраты

случаи влечения

тайга

4. (исп.)

ВИДЫ

МОСТ СОСТАВА

ВАЗЫ ВЗЫСКАНИЯ

ДОСРОЧНО

ПАУЗЫ ТЕКУЧЕСТИ

ШМИДТ

ТЫШКЕВИЧ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

СИСТЕМЫ

ТОКИ ИГУМЕНОВ

5. (рус.)

едва

воспитание

лесть

опять-таки таять

восстание воспитанников

пятна

деревня

девьяностые

семьсот сестёр

счёты через черты

6. (итал.)

внутри

измученный изумруд

восшествие

цвет царя

бывший вулкан

вслепую

сойтись

завещание женщинам

внук века

неуклонно к нему

7. (поль.)

овцы

ДВО

мяуканье Януковича

рвут тучу

Севкар

секретарь севера

Дышаленкова слышит

шквальный Шувалов

вялый ярлык

дышит

8. (дат.)

ещё

дыни вничью

кто утонул

Вулф улыбается

внимание вниз

участие утки

ёрш Египта

Валя выплывает

шедший

называемый временем

9. (ирл.)

время

мгла сглаживает

мадера

тыловой Тифлис

верфи Африки

успех

врываются арфы

суть муфтиев

суфии Маттиаса

флотилия тефлона

10. (тур.)

глобус

игумен ищет нишу

тщетно

флаг Фёдора

взгляды

музыка Иуды

лошади

владения ашкеназов

туфли Шивы

увлѣкшись уволен